

УДК 394.4(=511.131)291.344(045)

*Р.Р. Садиков***ЗИМНИЕ МОЛЕНИЯ-ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

В статье рассматриваются традиции проведения зимних молений-жертвоприношений у закамских удмуртов, сохранивших исконные верования и проживающих в Республике Башкортостан и Пермском крае. Работа написана на основе полевых материалов автора и опубликованных источников. Зимние жертвоприношения у данной группы удмуртов в этнографической литературе пока освещены слабо. Автором предпринята попытка реконструкции цикла зимних молений у разных подгрупп закамских удмуртов и показаны современные формы бытования этих ритуалов. Выявлено, что зимний цикл жертвоприношений практически нигде не сохранился полностью; в более или менее целостном виде мы наблюдаем его только у татышлинской подгруппы (Татышлинский район Республики Башкортостан).

Ключевые слова: закамские удмурты, зимние моления и жертвоприношения, Башкортостан, Пермский край.

Календарные праздники и обряды у закамских удмуртов, избежавших христианизации и проживающих ныне в Республике Башкортостан и Пермском крае, были непосредственно связаны с сельскохозяйственным трудом и традиционной религией. Годовой цикл удмуртских календарных обрядов был подразделён на летнее и зимнее полугодия. Обряды одного из них имели свои аналогии в другом [2. С. 20, 86]. Так, например, были весенние и осенние родовые моления и поминки; проводили летние и зимние деревенские, междеревенские и окружные жертвоприношения и др. Но зимний цикл, по сравнению с летним, был менее насыщен обрядами, что связано с особенностями хозяйствования в этот сезон и погодными условиями.

Зимние моления-жертвоприношения закамских удмуртов, в отличие от летних, в этнографической литературе пока не получили своего исчерпывающего освещения. Краткие, но ценные, сведения о них находим в сочинениях Н. И. Тезякова (1886) [5. С. 7-9], И. В. Яковлева (1903) [9. С. 186-189] и К. Яковлева (1915) [10. С. 264], содержащих описания зимних жертвоприношений вотяков Осинского уезда Пермской губернии конца XIX – начала XX вв. Из современных исследователей их касались в своих работах Т. Г. Миннихметова (2000) [2. С. 77-79] и А. В. Черных (2002) [7. С. 199]. Но недостаточность источниковой базы не позволила им детально рассмотреть эти жертвоприношения и выявить их локальные особенности.

Наши полевые материалы показывают, что порядок проведения и количество зимних жертвоприношений различались в разных подгруппах закамских удмуртов. Таныпские удмурты, проживающие ныне в удмуртских населённых пунктах Калтасинского, Бураевского, Балтачевского и части Янаульского районов Республики Башкортостан, во время зимнего солнцестояния в каждой деревне устраивали *урам вöсь/тол шор вöсь/тол вöсь* ('уличное/срединно-зимнее/зимнее жертвоприношение'). К сожалению, информацией о них владели только информанты 1910–1920-х гг. рождения, которые вспоминали об их проведении в детстве и, как правило, не могли дать полного описания этих зимних обрядов. По их сообщениям, *урам вöсь* совершали зимой в декабре: на одной из улиц разжигали костры и приносили в жертву животных; молились и варили кашу, которую съедали дома. На моление собирались все жители деревни¹. Касательно состава жертвенных животных не имеется исчерпывающей информации. Так, например, в д. Мамады Бураевского района жертвовали пару гусей и пару овец, так же, как и на летнее деревенское моление [2. С. 78]. В д. Алтаево того же района на *урам вöсь* приносили в жертву жеребёнка и собирались туда только мужчины². В некоторых местах обходились без кровавой жертвы и молились только сваренной на месте моления кашей или же принесёнными из дома продуктами³. Иногда после моления устраивали общественные гуляния, напоодо-

¹Полевые материалы автора (далее – ПМА), 1997 г. РБ, Янаульский район, д. Будья Варяш, З. Н. Гилязетдинова, 1924 г. р.; М. Х. Суфиярова, 1916 г. р.

² ПМА, 2001 г. РБ, Бураевский район, д. Алтаево, Ш. Ш. Ялалов, 1928 г. р.

³ ПМА, 1998 г. РБ, Калтасинский район, д. Малый Качак, Ф. И. Ильбаева, 1914 г. р.; С. П. Пакретдинова, 1920 г. р.; ПМА, 2001 г. РБ, Бураевский район, д. Мамады, З. М. Миннихметова, 1916 г. р.

бие летнего сабантуя. Жрецы перед собой втыкали в снег ветки или молодые стволы ели¹. Можно предположить, что уличные моления у таныпских удмуртов соответствовали проводимым летом общедеревенским молениям *гужемвось/бадзымвось* ('летнее/большое моление'). Сведений о проведении междеревенских и окружных зимних молений не имеется, но это не означает, что их не было в более раннее время.

В д. Большетуганеево Калтасинского района родственные группы по мужской линии проводят праздник *толишор* ('середина зимы'); для угощения варят головы забитой осенью крупной скотины. Помимо всего прочего, тогда же поминают умерших родственников – устраивают *чолтиськон* ('поминки')². В конце XIX в. в д. Большой Качак Бирского уезда Уфимской губернии зимой в середине декабря совершали *тол-эуон* ('зимний пир') – молились в семейной куале [4. С. 154]. Эти традиции, на наш взгляд, аналогичны проводимым весной и осенью родовым молитвенным и поминальным обрядам. Вероятно, они были рудиментами более старого календарного цикла, который к концу XIX в. был уже утрачен.

Об угасании традиции зимних молений в XX в. красноречиво говорят следующие слова одного из информантов: «*Тол вось уань. Сое жузиськонлэсь азьло огпол куриськизы. Аткай куриськиз. Азьло отын чуньы вандылллям. Колхозэ пырем бере чуньы өвөл нй индэ, шыдэн гынэ, жуken гынэ куриськизы. Собере отын өз куриське нй. Аткай арлы быдэ тол восьсэ өз кельты. Куриськыса мынйз дорын, педло потыса. Вось дйсьсэ дйсяса куриськоз вал. Изьыэ кунулаз кароз вал. Жадем бераз дугдйз уни. Ми өм дышетйськелэ³*» – «Зимнее моление есть. На нём один раз перед войной молились. Отец молился. Раньше там жеребят закалывали. Когда вступили в колхозы, жеребят не стало, молились только супом или кашей. Впоследствии там совсем перестали молиться. Отец ни один год своё зимнее моление не оставлял. Всегда молился дома во дворе. Молился, надев свои молитвенные одежды. Шапку в подмышке держал. Как устал уже, то перестал. Мы уж не научились».

У таныпских удмуртов традиция проведения зимнего моления (*тол вось*) к настоящему времени сохранилась только в д. Асавка Балтачевского района. По воспоминаниям старожилов, в их детстве *тол вось* совершали на улице в центре деревни (*шордйн*) у родника. Накануне вечером молились с кашей — проводили *сийськон* — 'обещание' жертвы. Костёр должен был гореть всю ночь. На следующий день устраивали само жертвоприношение. На жертвенном месте втыкали еловые ветки. В дальнейшем обряды стали проводить дома. Варили на улице или же внутри (в зависимости от погоды) мучной кисель и молились также внутри дома или во дворе⁴. Последние два года зимние жертвоприношения не проводили, но в декабре 2016 г. *толатэкуриськон* ('зимнее моление') совершили в доме нового жреца Владимира Галиева, 1971 г. р., который посчитал, что эту традицию надо сохранить. В назначенный день (16 декабря), в пятницу, домой к жрецу пришли 15–20 чел., мужчины и женщины, пожилые и молодые. Они принесли с собой чаши и несколько блинов. В углу дома, обращённом на юг, развесили на жерди ритуальные полотенца, используемые ежегодно на молениях. Жрец сварил кашу из ячневой крупы, с которой совершили одну коленопреклоненную молитву (*куриськон*) с тремя поклонами (*зыбырттон*). Руководитель обряда надел белый халат, двое его помощников были в пиджаке и подпоясались старинными полотенцами. Все мужчины молились в шапках. Во время молитвы они стояли на коленях в первых рядах, за ними расположились женщины. После произнесения молитвы все сели за стол и поели моленную кашу, причём мужчины и женщины разместились за столом раздельно. Мужчины ели кашу, будучи в шапках. По их словам, на молениях и на поминках мужчины должны быть в шапках, а женщины – в платках и передниках; и у всех должны быть длинные рукава. Если останутся неприкрытыми участок тела или голова, то божества и духи умерших не заметят того человека. После трапезы угостились чаем со сладостями и разошлись по домам. Перед уходом каждому жрец раздал в чашах моленную кашу⁵.

О проведении зимних молений буйскими удмуртами (часть Янаульского района Республики Башкортостан, Куединский район Пермского края) сохранилось больше сведений. По материалам финского исследователя У. Хольмберга, в начале XX в. в д. Каймашабаш Бирского уезда удмурты совершали *урамвось* – 'жертвоприношение на улице': «Осенью, когда ляжет снег, на деревенской улице за-

¹ ПМА, 1998 г. РБ, Калтасинский район, д. Тынбахтино, З. У. Уразметова, 1922 г. р.

² ПМА, 2006 г. РБ, Калтасинский район РБ, д. Большетуганеево, Гыльмиярова К. Ш., 1925 г. р.

³ ПМА, 2006 г. РБ, Балтачевский район, д. Шавьяды, Саяпов Ф. Н., 1926 г. р.

⁴ ПМА, 2016 г. РБ, Балтачевский район, д. Асавка, Миннихметов Г. Г., 1941 г. р.

⁵ Моление было заснято на видеокамеру (Оператор Л. Ниглас, Эстония).

кальвают каурюю лошадь, кости несут к дереву на месте лы куян¹. Варят на улице, женщины не принимают участие» [3. С. 60]. Как сообщал местный учитель И. В. Яковлев, вотяки Осинского уезда Пермской губернии в каждой деревне проводили в начале зимы моление, которое совершали посреди поселения на улице. В жертву приносили жеребёнка, купленного на общий счёт. Накануне жертвоприношения жрецы разводили посреди улицы костёр, огонь в котором поддерживали до утра. Поутру закальвали жеребёнка и варили в котле жертвенное мясо. К вечеру, когда конина сварится, к месту жертвоприношения стекался весь народ. Мясо раскладывали по чашам. Жрец с чашей в руках с помощниками становился спереди собравшихся и читал молитвы, а народ сопровождал это земными поклонами. После молитвы все участники отведали моленное мясо из жреческой чаши, вслед чего жрец обходил всех, собирая денежные подношения. Бульон уносили домой и ели со всем семейством. Кости жертвенного животного собирали вместе в один узел, который молодёжь увозила с песнями на тарансах к одиноко стоящей недалеко от селения ели, где его вешали на одну из ветвей [9. С. 186-187].

По словам того же автора, после уличных молений по установке санного пути удмурты из 12 окрестных деревень проводили окружное моление в одной из священных рощ. За три дня до моления собирались жрецы и их помощники; разводили костры и поддерживали их до жертвоприношения. На общие деньги покупали двух лошадей, корову, гуся и овцу. В день жертвоприношения их закальвали, а мясо варили в пяти котлах. К вечеру начинал стекаться народ, мужчины; женщины – не принимали участия. Жрецы собирали с собравшихся жертвенные деньги и молились с ними у каждого котла: «Когда деньги собраны с нескольких лиц, жрец заставляет пришедших становиться на колени, а сам, встав впереди костра перед елью, начинает с платком в руках “курыны”, т. е. просить за подавших» [9. С. 187-188]. После каждого поясного поклона жреца, стоящие на коленях, делали земной поклон. Такие действия по мере стечения народа совершались у каждого котла несколько раз. Когда собирался весь народ, помощники вынимали из котлов сварившиеся головы и конечности жертв и клали их в деревянные чаши. Весь народ длинными рядами становился на колени перед котлами. Жрецы с чашами в руках, обратившись к полудню, читали длинную молитву с несколькими поклонами. По прочтении молитвы помощники начинали варить кашу, а другие участники – ели мясо голов и ног заколотых животных. По мере готовности съедали также остальное мясо и кашу, которые раскладывали для каждой деревни в деревянных чашах от каждого котла. Вслед за трапезой читалась завершающая молитва. После того как разойдётся народ, жрецы сжигали кости жертвенных животных и снова молились. Также во время этого окружного жертвоприношения отдельно читали молитву для новобранцев в армию, проводы которых начинались вскоре после него [9. С. 189]. Как замечает очевидец, «Странное впечатление производит этот “вось” на постороннего человека. Лес, темнота, костры, котлы, толпы народа без крика и шума – наводят на душу какое-то тяжёлое, мрачное состояние и самые действия облакаются в таинственный покров» [9. С. 188].

Свидетелем этого зимнего жертвоприношения осинских вотяков в конце XIX в. оказался земский врач Н. И. Тезяков. На «общее моление около Михайлова дня» в ноябре «в заповедной роще между деревнями Барабаном и Сухой Кыргой», по его словам, собирается население 7 окрестных деревень. В канун жертвоприношения, вечером в священную рощу пришла группа вотяков, одетых в белые зипуны (*дукес*), сшитые из домашнего сукна. Они разожгли 3–4 костра, вокруг которых сутились жрецы и были заметны жертвенные животные – теленок, жеребёнок и гуси, все белого цвета. Они были куплены на общие деньги и приведены на жертвенное место продавшими их хозяевами, которые исполняли роль помощников жрецов. Далее автор описывает жертвоприношение жеребёнка. Жрец, надев шапку, взял на белом полотенце лепешки, и, обратившись на восток, громким голосом, нараспев, начал выкрикивать свои просьбы к божествам. Остальные стояли у костра на коленях, без шапок и делали земные поклоны. Пока жрец читал молитву, помощник обмыл жертву водой и связал ей ноги. Затем жрец, взяв в руки лычко и топор, вновь стал молиться, чтобы «не допустить до жертвы шайтана и колдунов и не дать им осквернить святую жертву» [5. С. 8]. Произнося слова молитвы, он три раза обошел костёр и жеребёнка. Лычко было передано помощнику, который срезал с него несколько кусочков и бросил в огонь, а затем, положив на землю, перерубил её топором: «Топор так и оставался воткнутым во всё время жертвоприношения в землю» [5. С. 8]. После этого действия, помощник заколол жертвенное животное, кровь которого была собрана в корыто. Первые капли собрали в ложку и вылили в огонь, и, зачерпнув крови из корыта, облили ближайшие деревья. Во время свежевания животного, жрец снова

¹ Место, куда относили кости жертвенных животных при некоторых видах жертвоприношений.

читал молитву. Таким же образом были принесены в жертву и другие животные. По мнению Н. И. Тезякова, жеребёнок предназначался Инмару – верховному божеству, телёнок – «божеству, живущему на солнце» («шонде мумылы» – «матери солнца»), а гусь – «большому ангелу» («базинь-кылчинь») [5. С. 8]. Основное моление должно было произойти на следующий день, куда соберутся жители нескольких деревень, мужчины и женщины в белых одеждах. После моления кости жертвенных животных «тщательно собираются, перевязываются мочальными верёвками и вешаются на деревья, на которых висят до тех пор, пока не сгниют верёвки» [5. С. 9].

Также, по данным учителя К. Яковлева, у вотяков Осинского уезда «Шестое жертвоприношение – “урам высь”, т. е. моление на улице. Оно совершается в каждой деревне через несколько недель после полевых работ. Происходит оно на улице; приносятся одна лошадь и один гусь “Иньмару”» [10. С. 264].

Как видно из приведённых выше описаний, в конце XIX – начале XX в. зимние моления-жертвоприношения у буйских удмуртов имели стройную конфигурацию, и их совершение было обязательным и на деревенском, и на окружном уровнях. Этнографические материалы, собранные в 1971 г. в Куединском районе Пермской области экспедицией Удмуртского НИИ, показывают, что информанты имели о зимних молениях подробные представления, хотя, видимо, оные уже не проводили. Они сообщают о бытовании в прошлом как уличных молений, так и окружного *тол вёсь*, который устраивался в роще в окрестностях д. Барабан и куда стекались жители нескольких удмуртских деревень [1. Оп. 2-Н. Д. 437. Л. 84, 91, 121; Д. 439. Л. 15, 22, 31]. По воспоминаниям одного из информантов, на *тол вёсь* «Молились из 12 деревень, молились ежегодно. Был куриськись¹. Ходили в шортдэреме², на него одевали шубу, но при молении шубу заставляли снимать. Туда женщины почти не ходили. Там резали на 3 деревни 1 скотину (тёлку, гуся), больше резали белой масти и серого гуся, резали парчаси³. Куриськись и парчаси там же в лесу и жили. Мы ходили уже провожать моление (вёсь-келян). Кровь сжигали на костре, кости тоже сжигали, шкуру не сжигали» [1. Оп. 2-Н. Д. 439. Л. 22]. По другим данным, кости жертвенных животных вешали на дерево [1. Оп. 2-Н. Д. 439. Л. 15]. Современные информанты о подробностях проведения зимних молений не знают, но сообщают, что существовали как деревенские, так и общее моление, куда собирались окрестные удмурты⁴ [6. С. 104-105, 113].

В 2011 г. в ноябре *тол вёсь* у удмуртов Куединского района был возрождён. Теперь это моление устраивают ежегодно и там собираются участники из нескольких удмуртских деревень района [8. С. 121]. В ноябре 2013 г. студией «КАМWA» был снят телевизионный фильм «Тол вёсь – зимнее моление удмуртов» (Съемки и монтаж Н. Каменских) [12].

У татышлинских удмуртов (Татышлинский район Республики Башкортостан) были также деревенские и окружные зимние моления. Кроме того, у них существовали жертвоприношения промежуточного, междеревенского уровня. К сожалению, источников, характеризующих календарную обрядность этой группы удмуртов в конце XIX – начале XX в. не имеется. В настоящее время в декабре до начала прибавления светового дня (*нынал вырзёмлэсь азыло*) проводят деревенский *тол вёсь* в с. Старокалмирово, окружные *тол мөрвёсь*⁵ (зимнее окружное моление) в с. Новые Татышлы и д. Альга, а также промежуточный междеревенский *багышвёсь*⁶ в окрестностях д. Старый Кызыльяр Татышлинского района⁷. Отдельные моления в других населённых пунктах в настоящее время не устраиваются, об их проведении в прошлом информанты также не сообщают. Как и в летний период, удмурты Татышлинского района совершают совместные моления-жертвоприношения: проживающие на правом берегу р. Юг в с. Новые Татышлы, на левом берегу – в д. Альга. Удмурты левобережья сначала приносят жертвы (в настоящее время – овец) в священной роще у д. Старый Кызыльяр – *толбагышвёсь*. Первоначально там молились удмурты трёх деревень: Нижне- и Верхнебалтачево, Кызыльяр, но с процессом возрождения религиозных традиций к ним присоединились также жители других левобережных деревень. Только жители с. Старокалмирово не участвуют на этом религиоз-

¹ *Куриськись* – удм. ‘жрец’.

² *Шортдэрем* – удм. ‘холщовый кафтан’.

³ *Партчась* (лит.) – удм. ‘помощник жреца, приносящий жертву’.

⁴ ПМА, 2002 г. Пермская область, Куединский район, д. Кипчак, Е. И. Давлетшина, 1923 г. р.

⁵ *Мөрвёсь* – совместное моление жителей нескольких поселений, входящих в одну культовую общину *мөр/мер* (вероятно от рус. ‘мир’).

⁶ *Багышвёсь* – моление получило свое название по местности, где оно проводится – *Багыш бусы* – ‘поле Багыш’.

⁷ ПМА, 1997 г. РБ, Татышлинский район, д. Бальзюга, Н. С. Садриев, 1930 г. р.

ном мероприятии: и как летом, и зимой, они устраивают свои отдельные деревенские моления. Через неделю после *багышвӧсь* участники всех деревень левобережья р. Юг собираются на *тол мӧр вӧсь* у д. Альга [11. Р. 112]¹.

В 2016 г. *тол мӧр вӧсь* в с. Новые Татышлы Татышлинского района провели 9 декабря. По словам пожилых жрецов Салима Шакирова (1938 г. р.) и Раиса Рафикова (1948 г. р.), в отличие от летнего окружного *мӧр вӧсь*, на зимний обряд собираются только представители трёх населённых пунктов: Новые Татышлы, Бальзюга и Уразгильды. Участвуют также жители п. Майский, которые в культовом отношении составляют одну общину с новотатышлинцами². Но, к сожалению, уже около трёх лет на зимнее моление не приходят участники из д. Уразгильды, объясняя это трудностями проведения молений в зимнее время.

Приводим описание данного жертвенного обряда. С восходом солнца на священном месте, где также устраивают летние моления, принесли в жертву двух овец белой масти и одного белого гуся. Последнего закололи с молитвами в хозяйстве одного из жителей села, у которого он был куплен в качестве жертвы. С возвращением жреца, который закалывал гуся, была совершена первая молитва. Молились двое жрецов, обратившись на юг. В руках на полотенцах они держали по караваю хлеба. В отличие от летних молений, при зимних ритуалах вместо ветвей березы были использованы еловые: по одной ветке воткнули в снег перед каждым жрецом, а также подложили их под ноги, маленькие веточки положили на полотенца, которыми держали моленный хлеб. Во время рецитации молитвы, закололи овец. Кровь каждой жертвы по одной ложке вылили в разожжённые рядом костры. Перед закланием овец символически омыли водой при помощи еловых веточек. Мясо каждой жертвы варили отдельно в трёх котлах, то есть у каждой жертвы был свой костёр.

После того, как мясо сварилось, снова была произнесена молитва с троекратным поклоном. Теперь молились трое жрецов. В чашах они держали кусочки мяса с правой стороны туши овец, а также их головы, один – целого гуся. Помощники жрецов, которые закалывали овец, стояли позади них, рядом с корытами, куда было вынуто мясо; другие участники обряда – за ними на коленях. После молитвословий моленное мясо вкусили присутствующие здесь мужчины, кости сожгли на костре. Сварили кашу из собранной у населения крупы. Готовую кашу раздали собравшимся, остальную часть увезли в котлах для раздачи жителям участвующих на молении деревень. В конце было совершено моление с денежными пожертвованиями (*зугесь*). Как разошёлся народ, один из жрецов обошёл костры три раза по солнцу, символически сгребая еловыми ветками пепел к их центру³.

Как видно из описания, порядок зимнего моления аналогичен летнему. Но, в связи с тем, что зимой погодные условия совершенно другие, чем летом, то это придаёт определённое своеобразие зимним молениям. Ритуалы стараются совершить как можно быстрее, их количество меньше. Например, на этом молении не был свершён *сӱзиськон* — ‘обещание’ жертвы. В день жертвоприношения было 22 градуса мороза, дул холодный ветер. Чтобы согреться, жрецы и другие участники заходили в стоящий рядом «молитвенный дом», который был специально построен на священном месте. Ритуальная трапеза также проходила внутри помещения.

Имеются отличия и в тексте зимней молитвы (*куриськон*). В самом начале отмечается, что собрались всей деревней для проведения зимнего моления: «*Остэ, Мусо, Зугыт, Тӧдды, Бур Иммэре, Кылчинэ! Тэни гуртэн огкылсинмысь луыса, ог анайлэн-атайлэн нылыз-пиез кадь луыса, тол вӧсез ортытыса куриськиськом*» – «Осто, Милый, Светлый, Благой Инмар, Кылчин! Вот, став единокорными, вместе со всей деревней, словно дочери-сыновья одних матери-отца, проводя зимнее жертвоприношение, молимся». В молитве просят Инмара, чтобы посеянные осенью хлеба не задохнулись под снежным покровом, чтобы был хороший приплод скота: «*Сӱзыйл кизем-пальккэм зюосыз... лымыен жокатонэдлэсь ачид сакласа мын*» – «Посеянные-расплесканные осенью хлеба-посевы... сам бы сберёг от удушения под снегом»; «*Тэни толэ пырим, тол потыны уань пудоёс вичиськон луыса, кыкен-куинен пияса ыжъёс, скальёс мыры кыльытэк гынэ мед улозы*⁴» – «Перешли в зиму, чтобы скотина на зимовку стельной-суягнуой стала, овцы бы двойнями-тройнями ягнились, коровы бы яловыми не остались».

¹ В декабре 2013 г. была проведена видеосъёмка зимних *багышвӧсьи мӧрвӧсь* (оператор Л. Ниглас).

² П. Майский был основан выходцами из Новых Татышлов в 1925 г.

³ Процесс данного жертвоприношения был зафиксирован на видеокамеру (оператор Л. Ниглас).

⁴ ПМА, 2016 г. РБ, Татышлинский район, с. Новые Татышлы, Р. Р. Рафиков, 1948 г. р.

Зимние моления-жертвоприношения находят аналогии в летнем календарном цикле. На зимний сезон приходится минимум хозяйственных забот, в связи с чем отпадает необходимость в многочисленных ритуалах, которыми они обычно сопровождаются. Этим объясняется небольшое число зимних молений, а также их плохая сохранность. Зимний цикл жертвоприношений практически нигде до наших дней не дошёл в полном виде. Только у татышлинских удмуртов они проводятся в более или менее целостной форме. Также необходимо отметить, что зимние общественные моления отсутствуют в традиционной культуре других народов Волго-Уральского региона, сохранивших языческие верования или их элементы (марийцы, мордва, чуваша). Судя по источникам и литературе, они не сохранились также у удмуртов на коренной территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.
2. Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000.
3. Садиков Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа, 2010.
4. Садиков Р. Р., Хафиз К. Х. Финский исследователь Юрьё Вихманн о религиозных верованиях удмуртов Уфимской губернии (конец XIX в.) // От племени к этносу (этнография в Русском географическом обществе): сб. статей. Вып. 2. Уфа, 2015.
5. Тезяков Н. И. Праздники и жертвоприношения у вотяков язычников (из записной книжки земского врача) // Новое слово. 1896. № 4.
6. Черных А. В. Святилища куединских удмуртов в конце XIX–XX в. // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. Ижевск, 2004.
7. Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX в. Пермь, 2002.
8. Этнокультурные процессы на Южном Урале в XX – начале XXI в. / Ф. Г. Галиева, Р. Р. Садиков, Е. Е. Нечвалова [и др.]. СПб., 2015.
9. Яковлев И. В. Из жизни пермских вотяков гондырского края (общественные празднества, моления и обряды) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1903. Т. 19. Вып. 3–4.
10. Яковлев К. Верования и религиозные обряды вотяков Бирского и Осинского уездов // Вестн. Оренбургского учебного округа. 1915. № 6–7.
11. Toulouze E., Niglas L. Udmurt Animist Ceremonies in Bashkortostan: Fieldwork Ethnography // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. № 1. P. 111-120.
12. КАМВА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kamwa.kdenisb.org/video>.

Поступила в редакцию 10.03.17

R.R. Sadikov

WINTER OFFERING PRAYERS OF TRANS-KAMA UDMURTS: TRADITIONS AND CURRENT STATE

This article examines the traditions of performing winter prayers and sacrificial offerings among the keepers of ancestral beliefs, the Trans-Kama Udmurts, living in the Republic of Bashkortostan and Permskiy Krai. The study is based on the field-research materials by the author and published sources. The winter sacrifice ceremonies of the folk under consideration are not represented in the ethnographic literature comprehensively. The author attempted to reconstruct the cycle of winter prayers taking into account different subgroups of the Udmurt diaspora and reveals contemporary forms of existence of those rituals. The research brings to light that the sacrifices of the winter cycle are not preserved entirely anywhere. This custom is observed more or less coherently among the subgroup tatyshlinskiy (Tatyshlinskiy district, Republic of Bashkortostan).

Keywords: Trans-Kama Udmurts, winter prayers and sacrifices-offerings, Bashkortostan, PermskiyKrai.

Садиков Ранус Рафикович,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: kissapi@mail.ru

Sadikov R.R.,
Doctor of History, Leading Research Associate

Institute of Ethnological Researches of R.G. Kuzeev,
Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
K. Marksa st., 6, Ufa, Russia, 450077
E-mail: kissapi@mail.ru